А.В. ВОЛКОВ,
заведующий сектором археологии
и древней истории ЧНМ

МАТЕРИАЛЫ РАСКОПОК СРЕДНЕВОЛЖСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ 1926–1927 гг. В ФОНДАХ МУЗЕЯ

Чувашская Республика богата археологическими памятниками, охватывающими период от позднего палеолита до позднего средневековья. Особое место среди археологических памятников занимают чувашские могильники, так как именно они помогают осветить многие проблемы, связанные с этногенезом чувашского народа.

Первые научные раскопки чувашских дохристианских могильников проводила Средневолжская экспедиция в 1926 – 1927 гг. Необходимо отметить, что в 1907–08 гг. И.И. Аристовым, А.С. Лебедевым и М.М. Хомяковым на могильнике Каршлых вскрыто 13 погребений, однако авторы данной статьи не располагают информацией по этим раскопкам. Все изучаемые в статье могильники относятся к числу чувашских дохристианских, т.к. до середины XVIII века христианизация чувашей не носила масштабного характера. Итоги раскопок 1926-1927 гг. были кратко опубликованы в материалах Средневолжской экспедиции [Ефименко, 1927. С.157–160]. Кроме этого, руководителем археологического отряда экспедиции П.П. Ефименко был сделан доклад на I Всечувашском археологическом съезде. Отчёт хранится в ГАИМК (ныне Институт истории материальной культуры). Коллекция предметов передана в Чувашский центральный музей (Рукописный фонд Чувашского национального музея. Папка № 25. Учетный ВМ 4495), сведения о которых опубликованы лишь частично [Никитина, 1992. С. 160; Федулов, Волков, 2013. С. 272–278].

Целью экспедиции 1926–1927 гг. было комплексное изучение археологического наследия Чувашии, но приоритет отдавался именно дохристианским могильникам [Ефименко, 1927. С. 4]. Археологические работы велись способом широкого маршрутного обследования с задачей выявления типичных групп памятников в разных районах Чувашии и проведения стационарных исследований раскопками отдельных памятников. В частности, П.П.Ефименко в докладе на I Всечувашском археологическом съезде отмечает: «*В 1926 году нами был пройден маршрут в направлении на запад от Чебоксар к Ядрину и, затем, на восток к линии железной дороги. В 1927 году наш путь шел по линии пересекающей республику с севера на юг от Мариинского Посада к Цивильску и далее в пределы Батыревского уезда…*» [Ефименко, 1927. С. 157–160].

В 1926 г. такие работы проведены на кладбищах в урочище Каршлых [Архив ИИМК. Ф. 2. Ед. хр. 241] (25 погребений), у д. Юнгапоси [Архив ИИМК. Ф. 2. Ед. хр. 240] Моргаушского района (? погребений), а в 1927 г. у деревень Яндашево Чебоксарского района (15 погребений) и Полевые Козыльяры Ялчикского района (5 погребений) [Архив ИИМК. Ф. 2. Ед. хр. 230]. (В описях, сданных в музей, указывается количество погребений. Однако автор статьи не располагает описью предметов с раскопок Юнгапосинского могильника, в связи с этим количество вскрытых погребений на данном могильнике неизвестно. В статье использован исключительно погребальный инвентарь могильника у д. Юнгапоси.),В результате раскопок был получен богатый материал по погребальному обряду чувашей.

При классификации предметов в статье в основу была положена классификация Т.Б. Никитиной [Никитина, 1992, С. 160]. Несмотря на то, что разработана для вещей из марийских могильников, она является универсальной. При классификации предметов учитываются их формы и техника изготовления.

Элементы одежды и украшения

Браслеты. В результате раскопок экспедицией было 4 экз. пластинчатых браслетов, орнаментированных геометрическим узором из насечек и прорезных линий.

По классификации Т.Б. Никитиной, пластинчатые браслеты относятся к типу I и делятся на 2 подтипа:1) с геометрическим узором из насечек и прорезных линий – 3 экз. (м-к Каршлых); 2) с растительным узором из таких же линий – 1 экз. (м-к Яндашево).

Пластинчатые браслеты из серебра или меди с прочерченным линейным орнаментом довольно широко распространены в Среднем Поволжье и Прикамье [Никитина, 1992. С. 57].

Пряжки. Поясные пряжки разделяются на типы по материалу, из которого они изготовлены, и форме (на овальные и прямоугольные, но овальных в могильниках не обнаружены) [Никитина, 1992, С. 59].

Тип I. Из железа. По форме они делятся на два подтипа: 1) прямоугольной формы – 3 экз; 2) овальной формы – не обнаружено.

Тип II. Из бронзы. По форме они также разделяются на два подтипа: 1) прямоугольной формы — 1 экз; 2) овальной формы – не обнаружено.

Кроме этого, в могильнике Каршлых в погребении № 14 была найдена пряжка из металла белого цвета (латунь?) с железным «язычком».

Подковы от сапог. В погребениях почти не сохранилось остатков обуви. Это объясняется тем, что преобладающая часть крестьян носила лапти. Что касается сапог, то они, видимо, являлись привилегией только зажиточных крестьян. Подковы от сапог были зафиксированы в Яндашевском могильнике в погребениях № 2, 14. Всего 4 экз.

Накосники. Женское украшение для кос, у чувашей называлось «хӳре». Встречается практически во всех могильниках, за исключением у д. Полевые Козыльяры, что вполне объяснимо небольшим количеством вскрытых погребений – всего 5. Всего же материалы раскопок экспедиции насчитывают 12 экз. накосников (1 экз. – из могильника Каршлых, 4 экз. – Юнгапоси, 7 экз. – Яндашево).

Перстни. Всего в ходе раскопок найдено 11 экз. (3 экз. – П. Козыльяры, 2 экз. – Каршлых, 6 экз. – Яндашево) [Рукописный фонд ЧНМ. Папка № 25. Учетный ВМ 4495]. По классификации Т.Б. Никитиной перстни разделены на 2 типа [Никитина, 1992, С. 57]:

Тип I. Бронзовые или серебряные перстни с орнаментированным плоским овальным щитком. По орнаменту на щитках различаются два подтипа:

1) щиток украшен геометрическими композициями из насечек и прорезных линий – 4 экз.;

2) щиток украшен растительным орнаментом – 1 экз. (П. Козыльяры).

Тип II. Перстни-печатки. По технологии изготовления они разделены на подтипы:

1) кольцо и печатка отлиты в единой форме с вариантами: а) печатка орнаментированная – 5 экз. (3 экз. – Яндашево, 1 экз. – П. Козыльяры, 1 экз. – Каршлых); б) печатка с камнем – 1 экз;

2) плоская печатка округлой формы припаивалась к кольцу.

Сюльгамы. По функциональному назначению сюльгамы разделяются на два типа [Никитина, 1992, С. 59]:

Тип I – выполняющие роль застежки. Это простые сюльгамы овальной формы, разделяющиеся на подтипы по сечению проволоки, из которой изготовлены:

1) из круглой проволоки – 10 экз. (3 экз. – м-к Каршлых, 7 экз. – м-к Яндашево);

2) пластинчатые сюльгамы, поверхность большинства из которых орнаментирована геометрическими композициями из насечек и прорезных линий;

3) сюльгамы, изготовленные из ложно-витой проволоки.

Тип II – украшения, используемые не только для скрепления разреза рубахи, но предназначенные служить нагрудником. Они состоят из сюльгамы-застежки и прикрепленного к ней куска кожи, расшитого монетами, бусами и раковинами «каури». В материалах, хранящихся в музее, есть сюльгамы с остатками кожи («застежки» по описи). В погребениях, в которых обнаружены сюльгамы с остатками кожи, также найден бисер. Это может свидетельствовать о том, что эти сюльгамы могут относиться и к типу II.

Монеты. Во всех могильниках были найдены серебряные монеты «чешуйки» и жетоны с отверстиями. Данный факт говорит о том, что эти монеты являлись частью женских головных уборов («хушпу», «тухья») или нагрудных украшений («ама», «шӳлкеме»). Все раскопанные монеты относятся к XVII в.

Хозяйственный и бытовой инвентарь

Кресала. Было обнаружено несколько типов кресал – 5 экз. (4 экз. – Каршлых, 1 экз. – Яндашево). [Никитина, 1992, С. 66].

1) *Тип II.* Прямоугольной формы с прорезью в центре, с одним или двумя отверстиями у концов прорези.

2) *Тип IV.* Кресало каплевидной формы.

Топоры. Топор – редко встречающаяся находка в чувашских дохристианских могильниках. При раскопках Средневолжской экспедицией был найден один экземпляр на могильнике Каршлых. Обнаруженный топор относится к типу II – тяжелый топор с удлиненным уплощенным или плоским обухом и симметричным лезвием. У марийцев такой тип топоров встречаются в погребениях с середины XVII в. [Никитина, 1992. С. 63].

Ножи. Наиболее массовыми находками в чувашских захоронениях, как мужских, так и женских, являлись ножи. Все обнаруженные ножи (27 экз.) имеют клиновидное сечение лезвия, поэтому спинка у них толще, чем у современных. При переходе от черешка к рабочей части заметен уступчик. По способу соединения черешка и лезвия выделяются два типа.

Тип I. При переходе от черенка к рабочей части имеется валик.

Тип II. Без валика при переходе от черенка к рабочей части.

Обнаруженные ножи относятся к типу I.

Ножницы. Ножницы обнаружены в двух экземплярах – на Яндашевском и Юнгапосинском могильниках, на обоих одно из лезвий наполовину обломано. К сожалению, находки ножниц в чувашских могильниках довольно редкое явление, и говорить о каких-либо закономерностях по этому поводу невозможно.

Таким образом, раскопки чувашских могильников Средневолжской экспедицей дали обширный материал и позволили сделать первые выводы о материальной культуре чувашского народа XVII–XVIII вв. Преобладающая часть изученных могильников относится к верховым чувашам (м-ки Каршлых, Яндашево, Юнгапоси), один – к низовым чувашам (м-к у д. П. Козыльяры). В результате раскопок было вскрыто около 90 погребений [Ефименко, 1927, С.157–160], что составляет около 7% всех раскопанных погребений на чувашских могильниках. Работа Средневолжской экспедиции является уникальной, так как в дальнейшем таких широкомасштабного изучения чувашских могильников не проводилось.

Источники

Ефименко П.П. Предварительный отчёт о работах в Чувашской Автономной Республике этнологической экспедиции по изучению Среднего Поволжья // Чувашское хозяйство. – 1927. – № 1–2.

Никитина Т.Б. Марийцы (конец XVI – начало XVIII вв.) по материалам могильников. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 1992. – 160 с.

Федулов М.И., Волков А.В. Предметная коллекция могильника «Кукшылиды» в фондах Чувашского национального музея (по материалам раскопок П.П. Ефименко 1926 г.) // Поволжская археология – 2013. – № 2.

Ж.В. АЛЕКСЕЕВА,
заведующая художественным отделом
Козьмодемьянского КИМК

СУДЬБА УНИКАЛЬНОЙ КАРТИНЫ

Уникальным экспонатом в Козьмодемьянском художественно-историческом музее им. А.В. Григорьева является, на мой взгляд, картина французского живописца, искусствоведа, писателя Эжена Фромантена (1820–1876) «Кони» (Лошади на отдыхе в пейзаже).

«Искусство живописи – потерянный секрет, и последние мастера, знавшие его, унесли с собой ключ к нему», – писал Эжен Фромантен. Он был художником ориенталистом, специалистом по культуре и языкам восточных народов. В его произведениях играют важную роль и сам пейзаж, и человеческие фигуры, и животные. Всем им художник придает равное значение.

История поступления данной работы в наш музей такова. Алексей Максимович Миронов (1866–1929), передавший картину в музей, был искусствоведом, историком искусства, много лет проработал в Казанском университете. Возможно, он приобрел картину Э. Фромантена «Кони» в период с 1892-го по 1894 г., когда жил за границей, занимаясь изучением произведений искусства в музеях Берлина, Дрездена,